

Иероним Ясинский

Расплата

Иероним Иеронимович Ясинский

Расплата

Аннотация

«...Грохот мостовой оглушил Кривцову. Она была как в чаду. По широким панелям сновали группы женщин и мужчин. Далёкие фасады многоэтажных домов расплывались в сумраке, багровый блеск на окнах потухал. Лазурь высокого небосвода меркла. Веяло сыростью.

Хозяйка меблированных комнат, куда попала Кривцова, с любопытством осмотрела новую жилищу и внимательным взглядом окинула её чемоданчик и саквояж с бронзовой отделкой.

Кривцовой было лет двадцать с небольшим. У неё были узкие плечи, худощавое лицо, с тёмными бровями и густыми ресницами, светло-золотистые волосы. Рост высокий, но сложение „воздушное“, заставляющее иногда принимать женщин за девочек, руки тонкие; и она держала локти близко к телу, слегка наклонив голову, что придавало ей беспомощный вид. Однако, говорила она энергично, тем тоном, каким приказывают, громко и ясно...»

Иероним Ясинский

Расплата

I

...Грохот мостовой оглушил Кривцову. Она была как в чадуду. По широким панелям сновали группы женщин и мужчин. Далёкие фасады многоэтажных домов расплывались в сумраке, багровый блеск на окнах потухал. Лазурь высокого небосвода меркла. Веяло сыростью.

Хозяйка меблированных комнат, куда попала Кривцова, с любопытством осмотрела новую жилищу и внимательным взглядом окинула её чемоданчик и саквояж с бронзовой отделкой.

Кривцовой было лет двадцать с небольшим. У неё были узкие плечи, худощавое лицо, с тёмными бровями и густыми ресницами, светло-золотистые волосы. Рост высокий, но сложение «воздушное», заставляющее иногда принимать женщин за девочек, руки тонкие; и она держала локти близко к телу, слегка наклонив голову, что придавало ей беспомощный вид. Однако, говорила она энергично, тем тоном, каким приказывают, громко и ясно...

Хозяйка, учтиво спросила у Кривцовой документ. Та вынула его из саквояжа.

– Тепер ошен мноко строкости, – пояснила хозяйка с улыбкой.

– Мне всё равно...

– Ви нишево не будете сказать больше?

– Мне нужно узнать адрес вот этого господина...

Она вырвала из книжки листок и написала на нём: «Николай Петрович Ракович».

– Вот! Это к часу... Завтра...

– Ошен карашо, мадам... Адъё, мадам!

Кривцова заперлась на замок, положила под подушку саквояж, туго набитый сериями и сторублёвыми бумажками, и новенький револьвер, и заснула глубоким сном...

Во сне грохот мостовой казался ей громыханием поезда.

II

Над кроватью, на стене, высокой и пустынной, играл бледный луч солнца, отражённый от противоположного дома.

Кривцова, проснувшись, не сейчас могла дать себе отчёт, где она. Она с недоумением смотрела на стену. Пёстрые грёзы как испугнутая стая птиц мчались перед нею, быстро исчезая в блеске дня. Милое лицо её подруги, Вареньки Софронович, только что сидевшей с нею в пансионском дортуаре, где ряды кроватей тонули в мутной волне предутреннего света, и где кто-то бредил, меж тем как деревья точно призраки уныло глядели со двора, мгновенно растаяло как кло-

чок тумана. Кривцова провела рукой по глазам, со страхом повернула голову. Огромное окно сияло ярко. Тогда мысль, что она в Петербурге, вдруг мелькнула в её сознании.

Она стала одеваться.

Был полдень.

III

А Ракович – тот самый, адрес которого хотела знать Кривцова, – нетерпеливо ходил, в это время, по своему кабинету. Он был один в квартире. Домашние его жили на даче. Он приехал в город, чтоб быть с докладом у начальника.

Кабинет имел вид скорее будуара, чем комнаты делового человека. Белые шторы, собранные в пышные складки, кокетливо выглядывали из-под зелёных подзоров. Письменный стол был заставлен множеством больших и маленьких фотографий, в бронзовых и бархатных рамках. В ореховом шкафу пылилась груда французских романов. Ковёр пестрел в большом трюмо. Картины изображали красавиц: у одной тело чересчур розовое, а у другой чересчур жёлтое. Стоял запах туалетной воды и пудры.

Сам Ракович тоже не походил на делового человека: изящный вицмундир, безукоризненное бельё, перчатки, лицо совсем мальчишеское. Чёрные волосы на голове были густые и вились. Бледные щёки, красные губы, белая шея, большие глаза, сиявшие и беспокойно загоравшиеся от непрерывного

наплыва каких-то мыслей, которые, впрочем, так же скоро проходили, как и появлялись, нос, слегка вздёрнутый и чувственный, рост выше среднего, длинная талия, узкие плечи, узкие руки, – такова была наружность Раковича.

IV

Однажды он неожиданно исчез из N-ска, своего родного города. Там он служил секретарём мирового съезда, но служил спустя рукава. Преимущественно же занимался тем, что рисовал на всех карикатуры и писал стихи. Поэтическая репутация и миловидность сделали его любимцем прекрасного пола. За ним ухаживали. Он был франт и первый начал носить модные костюмы. Ходил и в вишнёвом жакете, и в зеленоватом, и в синем, и, наконец, в клетчатом. Одно время у него были брюки чуть не телесного цвета. На углах его воротничков иногда появлялись собачьи, совиные и лошадиные головы. Галстуков у него имелось бесконечное множество и тоже самых невозможных цветов. Тем не менее, на нём всё хорошо сидело, к нему всё шло. Вообще, за что бы он ни взялся, чтобы ни стал делать – всё ему удавалось. Он шутя прочитывал серьёзные книги, – занятие, на которое в провинции смотрят с тоскливою почтительностью – и потом рассказывал их содержание в лёгкой форме. Конечно, много тут врал, но мало этим стеснялся, и его все слушали. Выучивал также целые поэмы и прекрасно деклами-

ровал. Кроме того, танцевал с неумолимостью прапорщика. Играл, и пел, и был душою любительских спектаклей. Одним словом, это был такой милый и блестящий провинциальный сердцеед, с которым конкуренция едва ли была возможна, и избежать чарующей власти которого для какой-нибудь захолустной барышни было одинаково трудно. Хотя он слыл честным человеком и никогда сознательно не сделал бы такого шага, который внёс бы в жизнь женщины позор и страдание, однако, к несчастью, предусмотрительность не была одной из его многочисленных добродетелей. С другой стороны, поклонение, которым его окружали, отравило его, и он стал лелеять мысль, что он высшее существо, артистическая натура, для которой правила обычной морали необязательны. Пошли любовные приключения. Был какой-то странный год. Все точно с ума сошли. Личность Раковича с каждым днём приобретала всё больший и больший интерес. Праздничная жизнь разжигала любопытство. Дамы подобно мотылькам стремились на огонь. Ракович окончательно уверовал в свою неотразимость и считал победы дюжинами...

В это время он сошёлся с Кривцовой.

V

Ей тогда шёл восемнадцатый год.

Она только что вышла из пансиона и жила у старика-дяди. О несметных богатствах этого дяди ходили разные фанта-

стические слухи, но можно с достоверностью сказать лишь, что он был скуп. Ракович нанял у него дом, и таким образом началось знакомство молодых людей. Никто не верил, что Катя Кривцова – взрослая девушка... Иллюзия поддерживалась ещё тем, что дядя заставлял её донашивать пансионские короткие платья. Провинциальная сплетня не заметила её, и целый год длился её роман с хорошеньким квартирантом. Катя была уверена, что Ракович женится на ней. Он готов был жениться, но у него имелась своя теория. Он знал, что приятная острота любви исчезает, раз влюблённые становятся мужем и женою. «Жить, чтобы наслаждаться! – шептал он Кате ночью в беседке, глядя на звёзды и сдвинув шляпу на затылок. – Наслаждаться – это мой девиз, Катя». Конечно, можно вести суровый образ жизни и работать для будущего счастья человечества, но это удел героев, а он – не герой. Ракович в этом отношении походил на множество заурядных людей, которыми богаты переходные эпохи. Грядущие судьбы человечества он представлял себе в необыкновенно туманном виде, хоть любил распространяться о них. Главное, его занимало, что семейство рухнет. Катя Кривцова, слушая Раковича, увлекалась «смелым полётом» его фантазии, горячностью его «убеждений», «грандиозностью» набрасываемых им перспектив. Она целовала у него руки, и если бы этот юноша потребовал от неё какой-нибудь мучительной жертвы – всё сделала бы для него. Но мало-помалу на дне её души стало шевелиться сомнение. Оно росло неза-

метно и, наконец, выросло. Период, когда хочется жертвовать собою любимому человеку, проходил. Начинаясь период, когда, в свою очередь, ждут каких-нибудь жертв. Катя заговорила о венце настойчивее. Ракович стал избегать встреч с нею, давал неопределённые обещания, когда она добивалась свидания с ним, и что-то скрывал от неё.

VI

Стояла осень, когда Ракович вдруг уехал из N-ска. С ним уехала подруга Кати, Варенька Софронович, дочь одного важного барина, отставного генерала. Сплетня мгновенно вышла из берегов и разлилась по всему городу. Все кричали о безнравственности Раковича. В одной петербургской газете появилась о нём корреспонденция. Это подлило масла в огонь. Заскрипели перья и полетели в гостеприимную редакцию пояснительные и разъяснительные заметки. Улыбка странного торжества долго не сходила с лиц расходившихся провинциалов. Но едва только лица эти приняли обычное скучающее выражение, как их снова заставила растянуться в горизонтальном направлении весть о том, что старик Софронович настиг беглецов в Петербурге, где они чуть не умирали с голоду, дал за дочерью приданое и выхлопотал зятю место. Финалом же всей этой кутерьмы было рождение у Кати ребёнка. Снова загоготало и заревело провинциальное болото, и даже те дамы, которые чувствовали ещё на щеках зной

поцелуев Раковича, принялись швырять грязью в девушку...
С тех пор прошло два года.

VII

...«А не удрать ли? – задавал себе вопрос Ракович, с тоскою перелистывая в приёмной начальника дело, известное между его сослуживцами под именем „дела о выеденном яйце“. – Ишь какое оно! Тут сам чёрт ногу сломает. Удери, удери! Ведь это рабство, каторга! Часа свободного нет! Торчи как болван! И чего, спрашивается! Со службы не прогонят... Естественная причина... Например, мог заболеть... внезапно... Право... Право, какие тут занятия – летом... Скука... Провалились они! Эх, была не была!»

– Послушайте, Дорофей Львович, – обратился он к дежурному чиновнику, – объясните его превосходительству, что я тово... затрудняюсь явиться к нему... Скажите, что я...

Дежурный чиновник, гигант, с широкой физиономией и подобострастными манерами, встал и с участливым испугом смотрел на Раковича, по-видимому несомненно страдавшего.

– Что с вами, Николай Петрович? – тихо спросил он.

Подбородок Раковича отвис, на лбу собрались морщины.

– Болен, чёрт меня побери!

Он взял цилиндр и сунул бумаги в портфель.

– Ох!.. Скажите его превосходительству, что я душевно

желал выяснить пред ним «вопрос о выеденном яйце»... Но не в состоянии, – заключил Ракович, окончательно изнемогая и пропадая в передней.

Пообедав у «татар» и вернувшись к себе, чтоб переодеться, он неожиданно застал там Кривцову.

VIII

Он вскрикнул, поднял брови, раскрыл рот и застыл на секунду в неловкой позе, с расставленными руками. Оправившись, он засуетился и подвинул ей кресло.

– Садитесь! Катя! Боже мой!

– Благодарю вас, – отвечала Кривцова и посмотрела на него.

– Да, да... Понимаю!.. – сказал он. – Конечно, я виноват!.. Конечно!.. Что ж, казните меня?! Не только виноват... Даже более: преступен... – произнёс он убеждённым тоном.

Кривцова молчала.

– Ах!.. Жаль, Вареньки нет... Вам сказали, что она на даче? – спросил он.

– Да...

– Ужасно жаль, что её нет... А у вас в сущности какая цель? Вы для чего приехали?

– После узнаете...

– Как после?.. Почему же после?.. Ну, впрочем, всё равно... Однако же?..

Он улыбался, не зная что сказать ещё.

Девушка потупилась.

– Мне хотелось бы знать... Не солгите только!..

– Честное слово!..

– Варенька знала о вашей... любви?

Ракович утвердительно кивнул головою:

– Да... Я от неё ничего не скрывал. Она меня простила...

Кривцова захохотала. Ракович с испугом взглянул на гостью. Но она быстро успокоилась. Её глаза были по-прежнему темны, влажны, и только нижняя губа трепетала.

– Она добрая! – прошептала она.

– Она, действительно, добрая! – серьёзно сказал Ракович.

– Она тебя любит?..

– Очень...

– И вы ей отвечаете тем же?

– Да...

– У вас есть дети?

– Сын...

– Ты его тоже любишь?

– Тоже.

– Так Варенька на даче?.. Мне надо повидать Вареньку! – произнесла Кривцова, хмурясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.